

DOI: 10.31857/S013038640018259-2

© 2022 г. Т.В. КОТЮКОВА

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ТУРКЕСТАНЕ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА: «КРАСНО»-«БЕЛЫЕ» ВОСПОМИНАНИЯ АЛЕКСАНДРА ГЗОВСКОГО

Котюкова Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва, Россия).

E-mail: kotyukovat@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5741-7905

Аннотация. Воспоминания участника революционных событий в Туркестане публициста и литератора Александра Иосифовича Гзовского посвящены нескольким драматическим событиям, происшедшим в конце 1917 – начале 1918 г. в Средней Азии: после падения царизма к власти пришел Туркестанский комитет Временного правительства, затем после поражения последнего власть оказалась в руках большевиков, которые ликвидировали провозглашенную ранее Туркестанскую (Кокандскую) автономию, наконец, состоялся большевистский поход на Бухару в марте 1918 г., закончившийся для них полной неудачей. В статье анализируются две работы А.И. Гзовского: «Социальная революция в Туркестане (воспоминания)», где события описываются с большевистской точки зрения (издана на территории Советской Белоруссии в 1919 г.) и «Полумесяц и красная звезда (туркестанские воспоминания)», написанная автором уже с антибольшевистских позиций на польском языке после его эмиграции в Польшу в 1922 г. Источниковедческая ценность указанных работ Гзовского заключается в том, что он дает в них диаметрально противоположные оценки событий, что позволяет комплексно взглянуть на политическую ситуацию в Туркестане и расширить имеющиеся в исторической науке представления о происходившем там в 1917–1918 гг., в частности: какое место занимал Туркестан в дискурсе общероссийских политических партий; какой была «туркестанская повестка» во всероссийском мусульманском движении; можно ли обнаружить «контуры Кокандской автономии» до создания большевистского правительства в Ташкенте; чем руководствовались большевики в Туркестане: классовым или национальным сознанием?

Ключевые слова: Александр Гзовский, Россия, Туркестан, Бухара, Центральная Азия, Российская революция 1917 г., Туркестанская (Кокандская) автономия, большевики.

T.V. Kotyukova

The Russian Revolution in Turkestan Through the Eyes of an Eyewitness: “Red”- “White” Memoirs of Alexander Gzovsky

Tatiana Kotyukova, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: kotyukovat@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5741-7905

Abstract. The memoirs of the publicist and writer Alexander Gzovsky, a participant in the revolutionary events in Turkestan, are centred around several dramatic events that took place in Central Asia in late

1917 and early 1918: the fall of tsarism and the coming to power of the Turkestan Committee of the Provisional Government, the defeat of the Turkestan Committee of the Provisional Government and the coming to power of the Bolsheviks, the proclamation of Turkestan (Kokand) autonomy and its liquidation by the Bolsheviks and, finally, the so-called Kolesov campaign in Bukhara in March 1918. The article analyses two works by Gzovsky, namely “Social revolution in Turkistan (memoirs)”, published in Soviet Belarus in 1919, which describes the events from a Bolshevik perspective, and “The Crescent and the Red Star (Turkistan memoirs)”, written by the author in Polish after his emigration to Poland in 1922, from an anti-Bolshevik position. The source-research value of Gzovsky's writings lies in the fact that they contain diametrically opposite assessments of events, which provides a comprehensive view of the political situation in Turkestan and broadens the existing understanding in historical science of what happened there in 1917–1918, in particular: what the political discourses of the Muslim organizations of Turkestan were; what place Turkestan occupied in the discourses of all-Russian political parties; what was the “Turkestan agenda” in the All-Russian Muslim movement; can the “circuits of Kokand autonomy” be discovered before the creation of the Bolshevik government in Tashkent; what guided the Bolsheviks in Turkestan: class or national consciousness.

Keywords: Alexander Gzovsky, Russia, Turkestan, Bukhara, Central Asia, revolution, Turkestan (Kokand) autonomy, Bolsheviks.

За последние несколько десятилетий было издано многое из мемуарного наследия, связанного с Центральной Азией эпохи революции и Гражданской войны¹. Это сделало историю российской революции на ее окраинах многомерной. Самыми важными в этом ряду для понимания событий в Центральной Азии являются работы Мустафы Чокаева², хотя именно они нуждаются в самом серьезном критическом анализе.

В результате острой политической борьбы в ноябре 1917 г. была провозглашена первая на просторах бывшей Российской империи автономия – Туркестанская, или, как ее чаще называли современники по месту ее расположения, Кокандская. С одной стороны, Туркестанская (Кокандская) автономия была первой, с другой – ее создание стало одной из многочисленных попыток национальной интеллигенции в 1917–1918 гг. создать на окраинах бывшей Российской империи национальные государства, которые, однако, далеко не всегда торопились покинуть метрополию. В советской историографии Туркестанская автономия вплоть до конца 1980-х годов редко удостоивалась внимания исследователей. В основном о ней писали очевидцы событий³. По-настоящему ее изучением занялись в Узбекистане на рубеже 1980–1990-х годов⁴.

Со сменой исторических эпох и началом активного строительства на постсоветском пространстве национальных государств для их полноценной легитимации потребовались собственные национальные герои с яркими и трагическими биографиями. Произошла очевидная и легко объяснимая смена оценок, а вместе с ней у автономии появились новые эпитеты «национальная» и «прогрессивная», сменившие советские –

¹ *Тоган З.В.* Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Уфа, 1998; *Чокай М.* Я пишу Вам из Ножана... (Воспоминания, письма, документы). Алматы, 2001; *Назаров П.* Бегство из Центральной Азии. Бишкек, 2015; *Князь Искандер.* Небесный поход. Бишкек, 2016; *Литвинов Б.Н.* Воспоминания. Ч. 2. Гражданская война на Кавказе и в Закаспии. 1918–1920 гг. М., 2017; и др.

² *Чокаев М.* Отрывки из воспоминаний о 1917 г. Токио; М., 2001; *Его же.* Революция в Туркестане. Февральская эпоха / публ. С.М. Исакова // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 3–19; *Его же.* Национальное движение в Средней Азии / публ. С.М. Исакова // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. Памяти Ю.И. Кораблева. М., 2002. С. 656–693.

³ *Сафаров Г.* Колониальная революция. (Опыт Туркестана). М., 1921; *Рыскулов Т.* Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925; *Алексеев П.* Кокандская автономия. Ташкент, 1931; и др.

⁴ *Хасанов М.К.* «Кокандская автономия» и некоторые ее уроки // Общественные науки в Узбекистане. 1990. № 2. С. 41–52; *Агзамходжаев С.С.* В преддверии драмы. Туркестанский комитет Временного правительства // Звезда Востока. 1993. № 2. С. 135–148; *Абдуллаев Р.* Хроника противостояния // Звезда Востока. 1995. № 11–12. С. 199–202; и др.

«буржуазная» и «контрреволюционная». После отказа от классового похода подчеркнутое внимание стали уделять этноконфессиональной принадлежности политических оппонентов.

Переосмыслившими себя элитами молодых постсоветских государств Центральной Азии стала продвигаться мысль о нелегитимности советской власти и всего советского периода истории. В то же время о национально-буржуазных образованиях первых лет революции (Кокандская автономия, Алаш-Орда и др.) заговорили как о подлинно законных, поддержанных широкими народными массами. Таким образом, обосновывалась преемственность между постимперскими национально-буржуазными образованиями и установившимися постсоветскими режимами⁵.

В условиях десоветизации сложилась парадоксальная ситуация: историки Центральной Азии, продолжая пользоваться старыми методологическими подходами, позволили создать новый пантеон героев, занявших освободившиеся пьедесталы своих противников, которым столетие назад они проиграли в политической борьбе.

За последние десятилетия на постсоветском пространстве относительно событий 1917–1920-х годов была сформирована новая историческая память. Она, как и в случае с советским пантеоном, зиждется на вере в абсолютную нравственную непогрешимость и безусловную политическую правоту вновь обретенных национальных героев.

Не смогла избежать этого и российская историография. В ней также произошла смена акторов во внутреннем историческом контуре — «наших» и «не наших» поменяли местами, отдавая предпочтение неолиберальному взгляду в оценках русской революции 1917 г. Однако в оценках событий в бывших союзных республиках значительная часть отечественных исследователей сохраняет верность устоявшейся трактовке. При этом тема Туркестанской автономии так и осталась периферийной. О ней, как правило, упоминают в рамках изучения других крупных научных вопросов⁶. Специально посвященной истории Туркестанской автономии можно считать только работу С.М. Исхакова⁷.

Немногом лучше обстоит ситуация в государствах Центральной Азии. В 2006 г. в Ташкенте было издано единственное крупное исследование об истории Туркестанской автономии, в котором она рассматривается как предтеча современного независимого Узбекистана⁸. Казахские коллеги расценивают автономию как еще один «казахский государственный проект», возникший и развивавшийся параллельно с Алаш-Ордой⁹.

Американский исследователь Адиб Халид считает, что литература по данной теме весьма тенденциозна: советская историография настаивала, что провозглашение автономии являлось заурядной авантюрой местной буржуазии, поддержанной иностранными интервентами, а западные ученые¹⁰ видели и видят в этом попытку создания национальной государственности.

⁵ Джумаев А.Б. «Скажите, а Ленин еще вернется?» К истории Октябрьской революции в Средней Азии: наброски и размышления с неизбежными экскурсами в современность // Дружба народов. 2017. № 10. С. 216–217.

⁶ Тарасов К.А. Антиимперская революция. Национальные окраины и распад Российской империи // Неприкосновенный запас. 2017. № 5 (115). С. 150–164; Этнополитические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г.: монография / отв. ред. Ю.А. Лысенко. Барнаул, 2017; Гражданская война в Степном крае и Туркестане (1918–1921 гг.) и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии: коллективная монография / под общей ред. Ю.А. Лысенко. Барнаул, 2018; и др.

⁷ Исхаков С.М. Мустафа Чокаев о революции 1917 года в Центральной Азии // Acta Slavica Iaponica. Т. XVIII. 2001. С. 204–223.

⁸ Аззамходжаев С. История Туркестанской автономии (Туркистон мухторияти). Ташкент, 2006.

⁹ Нуртазина Н.Д. Народы Туркестана: проблемы Ислама, интеграции, модернизации и деколонизации (на рубеже XIX–XX веков). Алматы, 2008; Кумганбаев Ж.Ж., Ташенев М.Ж. Туркестанская (Кокандская) автономия и идея единого Туркестана // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия: «Историческая». 2013. № 3 (70). С. 49–55; и др.

¹⁰ Буттино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007; Адиб Халид. Туркестан в 1917–1922 годах: борьба за власть на окраине России // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 189–226; и др.

Чтобы понять, насколько ценны наблюдения и впечатления, оставленные Александром Гзовским, о которых речь пойдет ниже, необходимо хотя бы в общих чертах охарактеризовать общественно-политическую ситуацию в крае во второй половине 1917 г.

В центре ее два политических конфликта — между большевиками и Туркестанским комитетом Временного правительства (Турккомитетом), а после прихода большевиков к власти — с автономистами в Туркестане. Оба конфликта заключались в распределении властных полномочий в регионе. 15–22 ноября 1917 г. в Ташкенте состоялся III Краевой съезд Советов солдатских и рабочих депутатов. Из 114 присутствовавших делегатов подавляющее большинство принадлежало к фракции большевиков¹¹. В сформированное правительство не вошел ни один представитель коренного мусульманского населения Туркестана.

В ответ на это 26–28 ноября 1917 г. в Коканде собрался IV Чрезвычайный краевой мусульманский съезд. В резолюции съезда подчеркивалось, что он отражает волю всех народов, населяющих Туркестан, к самоопределению в единении с Федеративной Российской Республикой. 28 ноября было провозглашено создание Туркестанской автономии (Туркистон мухторияти). Однако просуществовала автономия всего 72 дня и была разгромлена большевиками в феврале 1918 г.

Чем же привлекают рукописи Гзовского, ведь он был далеко не единственным человеком, кто стал свидетелем смены исторических эпох на окраинах бывшей Российской империи? Гзовский оказался двуликим, как древний бог Янус. Для любого исследователя — неслучайная удача найти два исторических источника с диаметрально противоположной оценкой одних и тех же событий, авторство которых принадлежит одному человеку.

В 1919 г. в девяти номерах газеты минских большевиков «Звезда» была опубликована большая статья, носившая характер личных впечатлений об увиденном и пережитом, «Социальная революция в Туркестане»¹². Автор скрывался под псевдонимом «А.Б.». Им был редактор газеты «Звезда» Александр Иосифович Гзовский. В статье Гзовский делился рассказом о событиях, имевших место в Туркестане с сентября 1917 г. по февраль 1918 г.

Как оказалось, это был не единственный вариант воспоминаний. В 1922 г. в Варшаве на польском языке свет увидела книга с ярким названием «Полумесяц и красная звезда (туркестанские воспоминания)»¹³, автором которой уже без всякого псевдонима значился Александр Юноша-Гзовский. На этот раз Гзовский слегка расширил хронологические рамки повествования, окончив воспоминания походом большевиков на Бухару в марте 1918 г. Но главным было не это. И даже не то, что Гзовский стал Юношей-Гзовским. Это был не просто перевод на польский язык написанного ранее, а принципиально иной текст, написанный с антибольшевистских («белых») и в значительной степени с антирусских позиций человеком, всячески подчеркивавшим свою польскую идентичность.

Еще одно разительное отличие польского варианта воспоминаний — это экскурс в этнографию и историю Туркестанского края. Ориенталистские вставки были сделаны для того, чтобы помочь польскому читателю погрузиться в реалии незнакомого для него Востока и лучше понять остроту и накал политической борьбы, развернувшейся вокруг Туркестанской автономии, или, как Гзовский называет ее по-узбекски, *мухторията*. В «белых» воспоминаниях Гзовский описывает Туркестан как место проживания двух народов — «киргизов»¹⁴ и «сартов»¹⁵. И лишь однажды, перечисляя географию своих путешествий по региону, он упоминает «Закаспийский край, населенный отважными текинцами» — одним из крупнейших туркменских племен¹⁶.

¹¹ История Узбекской ССР. Ташкент, 1974. С. 248.

¹² Газета «Звезда». 1919. № 351–354, 356–359, 361.

¹³ *Junosza-Gzowski A. Półksiężyc i Gwiazda czerwona (wspomnienia turkестаńskie)*. Warszawa, 1922.

¹⁴ Современные казахи.

¹⁵ Современные узбеки.

¹⁶ *Гзовский А. Социальная революция в Туркестане: полумесяц и красная звезда (туркестанские воспоминания)* / науч. ред. Т.В. Котюкова. М., 2021. С. 194.

Автор не раскрывает некоторых имен участников событий, шифруя их под «господин N» или «врач К-к». Вероятно, на момент публикации книги эти люди остались в Советской России, и Гзовский опасался за их будущее.

В «белом» варианте воспоминаний Гзовский предстает как отважный герой, борется с большевиками, способный на все ради свободы. Некоторые диалоги выглядят патетично и театральны. И это неудивительно, поскольку Гзовский до революции в России пробовал себя как драматург.

Александр Гзовский, согласно автобиографии, родился 8 апреля 1888 г. в Гомельском уезде Могилевской губернии, в имении Борхов, в семье дворянина Иосифа Фортунатовича Гзовского и Людвиги Ланевской-Вольф. В Национальном архиве Республики Беларусь в фонде Минского дворянского депутатского собрания сохранился документ с описанием дворянского родового герба «Юноша»¹⁷, что является свидетельством происхождения из небогатой белорусской шляхты. Однако, согласно польским источникам, «Юноша» — это польский дворянский герб¹⁸, и традиции рода берут отсчет от Станислава Гзовского, королевского придворного, который получил герб «Юноша» от короля Сигизмунда II Августа (1520–1572).

Впечатлительного Александра родители мечтали видеть ксендзом, однако священника из него не получилось. Он выбрал стезю писателя и журналиста. К 1912 г. из 13 написанных им пьес 5 находились под цензурным запретом. По окончании Смоленской гимназии Гзовский поступил на юридический факультет Московского университета¹⁹. Окончив его, в 1912–1914 гг. работал адвокатом. Затем в его биографии произошел поворот, вызванный началом Первой мировой войны. В 1915 г. Гзовский окончил Алексеевское военное училище в Москве. Потом служил в сибирских городах Канске и Иркутске²⁰. Мы не располагаем достоверными сведениями, по какой причине, как и когда Гзовский оказался в Туркестане. Сам Гзовский описал этот переезд в одной из своих книг²¹. Поиски хоть каких-то данных о туркестанском периоде в жизни Гзовского в Национальном архиве Республики Узбекистан (НА РУз) оказались безрезультатными. Как утверждает один из исследователей биографии Гзовского, он прибыл в Туркестан в октябре 1917 г.²² Дальнейшие обстоятельства его жизни сложились таким образом, что он стал очевидцем важнейших политических событий в истории края. Вообще, согласно официальной биографии, изданной в Польше в 1933 г., Гзовский в том числе жил и работал несколько лет в Сибири и Туркестане, посетил Восточную Сибирь и Дальний Восток, Китай и Бухару. Увиденное и пережитое в Туркестане он описал не только в книге «Полумесец и красная звезда», а также в ряде рассказов, изданных в 1926 г.: «Факир из Намангана» и «Царь киргыз Абда-Хан». В Польше из-под пера Гзовского вышло несколько романов о путешествиях: «Через тайгу и степи» (Познань, 1925 г.), «Под солнцем Азии» (Варшава, 1927 г.) и «Заговор в Тегеране» (Варшава, 1928 г.).

Оказавшись в Средней Азии, Гзовский становится редактором газеты «Туркестанский курьер» — одного из крупных либерально-демократических ежедневных изданий, выходивших в Ташкенте. За несколько месяцев пребывания на этом посту (Гзовский был предпоследним редактором газеты) вышли чуть больше 100 номеров, которые издавались с предварительной цензурой, осуществляемой представителями Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов и Ревкома. Покинув в конце ноября 1917 г. Ташкент, Гзовский отправляется в Коканд.

¹⁷ URL: <https://news.tut.by/society/415051.html> (дата обращения: 01.03.2021).

¹⁸ URL: [http://pl.wikipedia.org/wiki/Junosza_\(herb_szlachecki\)](http://pl.wikipedia.org/wiki/Junosza_(herb_szlachecki)) (дата обращения: 01.03.2021).

¹⁹ Пушкинский Дом. Ф. 377. 1 собр. № 891. Оп. 7. № 1069.

²⁰ Gzowski-Junosza Aleksander // *Zieliński S.* Mały słownik pionierów polskich kolonjalnych i morskich. Podróźnicy, odkrywcy, zdobywcy, badacze, eksploratorzy, emigranci, pamiętnikarze, działacze i pisarze migracyjni. Warszawa. 1933. S. 659–660.

²¹ *Junosza-Gzowski A.* Przez taiga i stepy. Poznan, 1925.

²² *Скалабан В.* Гзоўскі Аляксандр Юсіфавіч // Кантакты і Дыялогі. № 5. Мінск. 1988. С. 21–22.

Нет никаких сомнений, что Гзовский был знаком с ключевыми политическими фигурами Туркестанской (Кокандской) автономии, например со вторым главой правительства автономии Мустафой Чокаевым. Чокаев в воспоминаниях очень тепло отзывался о Гзовском, называя его так, как Гзовский начал именовать себя, живя уже в Польше. Это на наш взгляд, свидетельствует о том, что они поддерживали контакты, живя в эмиграции: «Поляк офицер Юноша-Гзовский в рядах туркестанцев дрался с большевиками до самого последнего момента — до окончательного взятия большевиками Коканда. Юноша-Гзовский сейчас в Варшаве. Пусть и он примет нашу благодарность за свою защиту нашего дела»²³.

После разгрома правительства автономистов в Коканде в феврале 1918 г. Гзовский объявился в Москве, где подвязался на работу сразу в две газеты — «Раннее утро» и «Русские ведомости». Вскоре как корреспондент этих газет он выехал в Смоленск. После закрытия московских газет в Смоленске устроился железнодорожным рабочим. Но уже спустя месяц, в августе 1918 г., Гзовский стал заведовать юридическим подотделом социального обеспечения Западной области, в состав которой входили Витебская, Могилевская и Минская губернии, неоккупированная часть Виленской губернии, а также Смоленская губерния. Он по-прежнему ни на минуту не оставлял журналистику. Сотрудничал с газетой «Известия Западной Коммуны»²⁴.

В январе 1919 г. вместе с правительством БССР Гзовский переехал в Минск, где стал техническим руководителем Дома печати.

В Минске в большевистской газете «Звезда», куда устроился на работу редактором, он впервые поделился своими «большевистским» впечатлениями о событиях в революционном Туркестане.

Гзовскому удивительно везло. При любых режимах ему удавалось издавать газеты, получая на это согласие властей. Он часто издавался под псевдонимами. В «Звезде» подписывался — «А.Б.», в «Минском курьере» — «Б. Ольгинский». В польской публицистике был известен как «J.G.» и «Jun G.». С легкостью мог ругать то контрреволюционеров, то большевиков. Оказавшись в Минске, 1 января 1919 г. Гзовский направил секретарю ЦБКП(б)Б письмо с просьбой утвердить штаты его нового журнала «Заря Запада»²⁵. И получил согласие!

Летом 1919 г. Минск заняли польские войска. Гзовский отреагировал молниеносно — после работы в советских изданиях приступает к изданию антисоветской газеты «Минский курьер». «Минский курьер» был создан на полиграфическо-издательской базе большевистской «Звезды».

Есть сведения, что Гзовский, еще живя в советской Белоруссии, начал сотрудничать с польской военной разведкой²⁶. В 1920 г. он наконец оказался в Варшаве. Скорее всего, именно туда, а не в Минск, стремился он, покидая в 1918 г. Туркестан. В Варшаве Гзовский работал в газете «Свобода» и телеграфном агентстве «Руссопресс». В 1922 г. в Варшаве свет увидели другие «антибольшевистские» воспоминания Гзовского о революции в Туркестане.

Возьмем на себя смелость предположить, что Гзовский недолго мучился и рассуждал об этической стороне своей работы в большевистских газетах в Москве, Смоленске и Минске. Таким приемом с изменением своей политической окраски Гзовский пользовался часто. Так, в книге «Полумесяц и красная звезда» он описывает очень схожую ситуацию. Власть в Ташкенте уже была в руках большевиков, но они разрешили издание либеральной газеты «Туркестанский курьер». Гзовский пошел на хитрость. Вместо того,

²³ Чокаев М. Отрывки из воспоминаний о 1917 г. С. 16.

²⁴ Скалабан В. Гзоўскі Аляксандр Юсіфавіч // Кантакты і Дыялогі. № 5. Мінск. 1988. С. 21—22.

²⁵ 1 января 1919 года. Временное рабоче-крестьянское советское правительство Беларуси. Документы и материалы / сост. В.Д. Семенов и др. Минск, 2005. С. 123.

²⁶ Gzowski-Junosza Aleksander. S. 659—660.

чтобы подписываться своей фамилией, он использовал фамилию наборщика-татарина. Расчет был простым — это рабочий, его не тронут. И действительно, в течение долгого времени Гзовский, как он сам признается, «с запалом обругивал большевиков» в своих статьях²⁷.

Необходимо отметить, что Гзовский был очевидцем прихода к власти большевиков и утверждения советской власти не только в Туркестане, но и в Смоленске в 1918 г., и в Минске в 1919 г. Об этом повесть «В государстве красных людоедов», изданная в Варшаве в 1921 г.²⁸

Зинаида Гиппиус, познакомившись с Гзовским в Минске в 1920 г., так вспоминала эту встречу: «Среди кучи всяких людей, стремящихся в нашу гостиницу, не из последних был и Гзовский, редактор местной русской газеты, “Минского курьера”. Это московский поляк, мелкий когда-то репортер, помывавшийся по свету. При большевиках был в большевицкой газете, возможно, шпионил полякам (мог бы, при случае, и обратно). Громадного роста, с зычным голосом, самый характерный Хам, какого я только видала на своем веку. Притом захолустно-провинциальный (уж был ли он в Москве?). Он тотчас понял, какие выгоды обещает ему наш приезд. Решил “использовать” его, принялся ухаживать за нами, стал печатать всякие “интервью” и собственные статьи о Дм[итрии] С[ергеевиче Мережковском] (Ублюдок и Титан)²⁹. Мы это отлично видели и смеялись над его грубыми ухаживаньями, которые были бесполезны: и без них мы, одичавшие, оголодавшие без “слова”, заряженные Совдепией, пошли бы на буро-желтые страницы его убогого “Курьера”. Он был яро антибольшевицкий — чего же еще нужно?»³⁰.

В 1921 г., уже в Варшаве, Гиппиус и Мережковский вновь встретились с Гзовским. Вернее, Мережковский «вызвал из Минска этого Хама», как писала Гиппиус³¹. Так, по инициативе Мережковского Гзовский оказался в Варшаве. Для чего?

Дело в том, что во время советско-польской войны в Варшаву по приглашению Юзефа Пилсудского приехал Борис Савинков, руководитель Боевой организации партии эсеров. В Польше Савинков создал под своим председательством так называемый «Эвакуационный комитет», затем переименованный в «Русский политический комитет». Гиппиус и Мережковский также входили в эту организацию. Вместе с Мережковскими Савинков начал издавать в Варшаве газету «За свободу!». Для работы над нею и понадобился такой пробивной человек как Гзовский.

Работа закипела, как это, впрочем, всегда бывало у Гзовского. Гиппиус вспоминала: «Чуть началась газета — мне в этой “Свободе” свободы не дали. Гзовский сразу начал хамить, и пошла чепуха, неизвестно, кто был хозяином, со всем нужно обращаться к Савинкову, и ничего не понять. Являлся Дима [Мережковский] — и опять не разберешь, какая “коллегия” распоряжается в газете. Гзовский ни с кем, кроме Савинкова, разговаривать не желал, от меня только требовал материала! материала! а иначе грозил свою дрянь вставлять»³².

Уместный вопрос, который может возникнуть у читателя воспоминаний Гзовского: насколько написанное им о революции в Туркестане мы вправе воспринимать и использовать как исторический источник?

И если предположить, что Мустафа Чокаев мог быть пристрастен в оценках, то, например, в воспоминаниях капитана Ф. Гнесина или начальника 3-го политического отдела МИД Российской империи В.О. фон Клемма и многих других персонажи

²⁷ Гзовский А. Указ. соч. С. 211.

²⁸ *Junosza-Gzowski A. W panstwie czerwonych ludozercow: powiesc z zycia bolszewickiej Rosji.* Warszawa, 1921.

²⁹ Речь идет о статье Гзовского о Ленине и Мережковском.

³⁰ Гиппиус З. Дневники. М., 2017. С. 89.

³¹ Там же. С. 124.

³² Там же. С. 125.

и подробности трагических событий 1917–1918 гг. в Туркестане совпадают с написанным Гзовским до деталей³³.

Перекликается с текстами Гзовского доклад капитана Безобразова начальнику разведывательного отдела Штаба адмирала А.В. Колчака о Гражданской войне в Туркестане³⁴.

Сохранился личный архив и переписка с женой министра финансов Кокандской автономии Соломона Герцфельда³⁵. Уроженец Одессы, проживший более десяти лет в Самарканде, журналист, адвокат, общественный деятель, он был видным сионистом и одновременно очень авторитетным посредником между еврейскими и мусульманскими предпринимателями в Туркестане. Герцфельд был в дружеских отношениях со многими политическими лидерами и журналистами края, однако о Гзовском он не упоминает.

Зато Гзовский в своих «красно»–«белых» воспоминаниях не забыл никого или почти никого. Так, комиссара Временного правительства в Туркестане генерала П.А. Коровиченко, комиссара того же правительства по делам Закаспия графа Г.И. Доррере и члена Туркестанского комитета Временного правительства И.Н. Шендрикова Гзовский представляет как некий политический триумвират, управлявший краем, правда очень непродолжительное время³⁶. Французский военный атташе в Персии Ж. Дюкрот роль этих троих в туркестанских делах оценивал так же³⁷.

Пишет Гзовский и о беспомощности генерала Л.Н. Черкеса при попытке разогнать митинг в Ташкенте, организованный большевиками. Ташкентский уездный воинский начальник полковник Леонтий Черкес был произведен в генерал-майоры 8 июня 1917 г. в бытность А.Ф. Керенского военным и морским министром и назначен командующим войсками Туркестанского военного округа. Вообще Керенский, детство и юность которого прошли в Туркестане, делал в крае ставку на близких и знакомых ему людей, зачастую не соотнося это с возможностями и способностями своих протеже.

12 сентября 1917 г. большевики организовали шеститысячный митинг рабочих и солдат Ташкента. Из трех поставленных на голосование резолюций – эсеровской, меньшевистской и большевистской – митинг принял резолюцию большевиков: о немедленной реквизиции продуктов и предметов первой необходимости; об осуществлении рабочего контроля над производством и распределением продуктов; о переходе земли без выкупа в руки крестьян; об издании закона, запрещающего закрытие фабрик и заводов без разрешения Совета рабочих и солдатских депутатов, профсоюзов и фабричных комитетов; о передаче всей власти в руки Совета.

Сместив в городе представителей власти, назначенных Временным правительством, и арестовав членов Краевого Совета рабочих и солдатских депутатов, Ташсовет попытался овладеть властью во всем Туркестане, избрав Временный революционный комитет. Под его руководством была предпринята попытка государственного переворота.

Генералу Черкесу не удалось разогнать митинг: военные части, получившие от него соответствующий приказ, отказались его выполнить. Вечером того же дня было созвано экстренное совещание Турккомитета и генерала Черкеса с представителями Краевого Совета рабочих и солдатских депутатов. Черкес предложил немедленно арестовать

³³ Гнесин Ф. Туркестан в дни революции и большевизма (краткое описание хода событий в Ташкенте, март–декабрь 1917 года) // Сопrotивление большевизму 1917–1918 гг. М., 2001. С. 537–548; Вильям фон Клемм. Очерк революционных событий в русской Средней Азии / публ. В.Л. Гениса // Вопросы истории. 2004. № 12. С. 3–25; 2005. № 1. С. 3–23.

³⁴ «В Туркестане советская власть установила небывалый до сих пор национальный гнет» / публ. Л.А. Молчанова // Вестник РГГУ. Серия: «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 3 (24). С. 101–124.

³⁵ Мякотин Е.А. Сила в нас самих. Чтение архива Соломона Герцфельда // Альманах «Еврейская старина». 2015. № 1 (84). URL: <http://berkovich-zametki.com/2015/Starina/Nomer1/Mjakotin1.php> (дата обращения: 01.03.2021).

³⁶ Гзовский А. Указ. соч. С. 167.

³⁷ Чокай М. Указ. соч. С. 169.

членов Ревкома, но они арестовали его самого. В своих «красных» воспоминаниях Гзовский ярко и в деталях описывает этот сюжет³⁸.

О джадидах или младотуркестанцах (младосартах), сторонниках реформ и модернизации края, Гзовский отзывается как о политической силе, имевшей лишь немногих последователей, «которые ничем не отличаются от своих дедов, разве что своим европейским платьем», и которые никогда не расстаются со своей национальной шапкой — тюбетейкой. По его мнению, модернизация и высокая степень религиозности несовместимы. Гзовский описывает, как в период нахождения у власти Временного правительства на заседании Ташкентского Совета «младосарты прервали заседание, чтобы пойти в мечеть на молитву, неоднократно совершали молитвы в зале, украшенном красными знаменами, в присутствии своих русских товарищей»³⁹.

Царская власть и Временное правительство понимали необходимость или даже неизбежность учитывать этноконфессиональную специфику края при формировании структуры власти. Они находили себе союзников среди коренного населения, хотя в целом «инородцам» они не доверяли. Эту атмосферу недоверия уловил Гзовский в первом варианте своих воспоминаний и передал, пусть и нарочито, словами генерала Черкеса: «Помните, граждане, — говорил командующий войсками, — что мы живем среди враждебного нам инородческого населения! Если между нами не будет согласия, если мы начнем между собой ссориться, то сарты и киргизы восстанут против нас и сотрут нас с лица земли. Не забывайте, что нас, русских, в Туркестане мало, а их (инородцев) — более десяти миллионов». Деля комплимент интернационализму большевиков, Гзовский продолжает: «Толпа не испугалась этих “жупелов”, ибо она прекрасно уже понимала, что “инородцы” в массе ей не страшны, ибо и сартовский (и киргизский) пролетариат пойдет с ними рука об руку»⁴⁰.

Туркестанские большевики не видели ни в одной крупной политической национальной организации края потенциального партнера для создания политической коалиции. И за это их не вполне уместно обвинять в национализме. Они действовали достаточно гибко, когда были уверены, что это принесет реальные политические дивиденды. Им, например, удалось быстро найти точки соприкосновения с младобухарцами⁴¹.

Но были и те, о ком, несмотря на всю заметность этих фигур в местной политической жизни, Гзовский ни в одном из вариантов воспоминаний не вспомнит ни разу. Среди них председатель Военного Совета автономного правительства (глава вооруженных сил Кокандской автономии) татарин Магди Чанышев.

Правительство Кокандской автономии, сформированное в последних числах ноября 1917 г., практически сразу начало выпуск нескольких периодических изданий на узбекском, казахском, а также русском языках. Стали издаваться «Известия Временного правительства автономного Туркестана». «Я преодолел силу технических препятствий, — пишет Гзовский, ставший главным редактором, — и наконец начал издавать скромную газетку: “Известия Временного правительства автономного Туркестана”. Газета пользовалась большим успехом. Большевики не пропускали ее в Ташкент и изымали отовсюду, где могли»⁴².

Однако издание столкнулось с критикой в местной интеллектуальной среде: «Конечно, по принципу лучше иметь, чем не иметь, мы должны приветствовать издание этой газеты и пожелать ей успехов в начатом деле. ...Но... она печатается русскими буквами

³⁸ Гзовский А. Указ. соч. С. 159–161.

³⁹ Там же. С. 203.

⁴⁰ Там же. С. 160.

⁴¹ Колесов Ф., Бобунов А. В борьбе с эмирской Бухарой // Война в песках. Материалы по истории гражданской войны к XII т. Гражданская война в Средней Азии / под ред. М. Горького и др. Л., 1935. С. 235.

⁴² Гзовский А. Указ. соч. С. 238.

и на русском языке! Какая ужасная трагедия! В колыбели тюркизма... выходит газета автономного тюркского государства, предназначенная для тюрков, не на милом родном языке, а на чужом русском языке! ...Жаль, что мы до сих пор не можем расстаться с нашей болезнью, с русофильством, с ложным убеждением, что нерусским языком невозможно управлять страной, что без русского языка не может развиваться наука и культура. ...Видя эту газету, человек приходит в недоумение. Для кого же издается она? Для 5-6 русских, живущих здесь... Большинство их... стараются сблизиться с автономным правительством только для того, чтобы сделать мусульман оружием для отмщения своим врагам (большевикам). ...Или у тюрков есть интеллигенты, не знающие родного языка, а знающие только русский язык? Вот в этом-то и заключается вся трагедия! У тюрков есть немые литераторы, имеющие хорошее образование по-русски, но, к сожалению, не умеющие писать или даже говорить по-тюркски. ...Довольно уже русеть и русифицироваться!»⁴³.

Очень важная деталь для понимания атмосферы и общественных настроений в Туркестане сто лет назад. В качестве коммуникации с населением в автономии среди прочих использовался русский язык. Это одновременно, на наш взгляд, показатель и либерального отношения к национальному вопросу, и оторванности пришедших к власти мусульманских интеллектуалов от основной массы населения.

В ночь на 30 января 1918 г. неизвестные группы организовали нападение на крепость, телефонную станцию и здание Кокандского Совета в русской части города. Гзовский очень подробно и интересно описывает этот исторический эпизод в своих «белых» воспоминаниях⁴⁴.

Командование имевшихся вооруженных сил автономного правительства в Коканде состояло из русских офицеров бывшей царской армии. Последние не сомневались, что, служа правительству автономии, они борются с большевиками. Но простая и политически неискушенная масса мусульман Коканда отождествляла большевиков со всеми русскими. Слова «большевик» и «русский» были для коренного населения в тот период практически синонимами. Гзовский откровенно пишет, что мусульмане Коканда «борлись с русскими вообще»⁴⁵.

Правительство автономии в этом вопросе сознавало весь трагизм ситуации. Оно старалось объяснить горожанам, что их врагами являются не «русские вообще», а «русские большевики», но объяснения эти принесли мало результата. Почему? Одна из причин, вероятно, кроется в том, что мусульманские духовные лидеры Коканда не признали авторитет. А религиозные деятели в Ферганской долине всегда обладали очень высоким авторитетом и влиянием. Это доказали и Андижанское восстание 1898 г., и восстание 1916 г. Улемов-богословов, по понятным причинам, не было в большевистском правительстве в Ташкенте, но их не было и в правительстве автономии.

Русское население в городах Ферганской долины начало организовывать отряды самообороны от очередного «мусульманского восстания» и направлять их на помощь европейскому населению Коканда. Гзовский констатирует: «Так этническое победило классовое».

Аналогично характеризовал ситуацию меньшевик-интернационалист Е.Л. Вайнштейн, когда на заседании Ташкентского Совета в ходе обсуждения похода на Коканд заметил: «Куда девалась классовая борьба, во имя которой мы подняли свое красное знамя? Из доклада мы слышали о вражде между русскими и сартами, армянами, персами. ...Вместо классовой борьбы... мы имеем борьбу национальную»⁴⁶.

⁴³ Великая российская революция 1917 года и мусульманское движение: сборник документов и материалов / сост., предисл. и прим. С.М. Исакова. М.; СПб., 2019. С. 462–464.

⁴⁴ Гзовский А. Указ. соч. С. 243.

⁴⁵ Там же. С. 245.

⁴⁶ Наша газета. 26.II.1918.

Положение русского населения Коканда, занявшего нейтральную позицию и не поддержавшего ни большевиков, ни автономистов, было сложным вдвойне. «“Товарищи солдаты” убивали их за “буржуазность”, — пишет Гзовский, — а сарты — как “христиан”»⁴⁷.

В своих «белых» воспоминаниях о революции в Туркестане Гзовский не смог пройти мимо участия в ней самой крупнейшей армянской политической партии в Российской империи — Дашнакцутюн. В Туркестане проживало немало армян, многие из которых бежали из Османской империи, другие переселились из Персии. И те и другие были настроены антимусульмански. Кроме того, присутствовал элемент экономической конкуренции между местными и армянскими торговцами. Противоречия накапливались даже несмотря на то, что представитель дашнаков вошел в состав Временного народного Совета Туркестанской автономии.

Новгородский Совдеп Коканда сформировал и вооружил Армянскую дружину (сторонники партии Дашнакцутюн) из 100 человек, которая считалась защитницей европейского населения и советской власти против «мусульманской толпы»: По оценке Адиба Халида, дружина сыграла центральную роль в сражении за Коканд, причем в последующие 12 месяцев вооруженные армянские отряды стали почти неизменной составляющей безжалостной войны против коренного населения⁴⁸.

Многие российские исследователи считают, что напряжение в отношениях между советской властью и мусульманским населением в Туркестане в определенной степени стимулировалось активной деятельностью дашнаков против коренного населения, которая объяснялась их страхом перед джихадом. В 1917 г., после ликвидации Кокандской автономии и взятия Коканда, вооруженные представители армянской общины присоединились к частям Красной гвардии⁴⁹.

По мнению П. Алексеенкова, большевики в Туркестане вообще и в Ферганской долине в частности были еще очень слабы, поэтому вынужденно шли на сотрудничество с партией Дашнакцутюн⁵⁰. Однако необходимо помнить, что слабая социальная опора не помешала большевикам в Туркестане одержать верх над антибольшевистскими силами в Закаспии, Фергане и Семиречье, которые, наоборот, продемонстрировали крайнюю степень разобщенности.

В отличие от «красных», «белые» воспоминания Александра Гзовского не заканчиваются ликвидацией Кокандской автономии. История революционных событий в Туркестане в книге «Полумесяц и красная звезда (туркестанские воспоминания)» имеет продолжение, речь в котором идет о походе большевиков на Бухару. По версии Гзовского, присвоив капиталы самого богатого купца в Туркестанском крае Мир-Камиля Мир-Мумынбаева, «большевики имели теперь возможность двинуться на Бухару»⁵¹.

В составе Российской империи Бухара имела статус протектората. После падения монархии в России эмир присягнул Временному правительству, которое обещало сохранить все подписанные ранее с царским правительством договоры. После прихода к власти большевиков независимость эмирата была подтверждена декретом советской власти. Однако в марте 1918 г. туркестанские большевики и младобухарцы под командованием председателя СНК Туркестана Ф.И. Колесова предприняли неудачную попытку захвата власти в Бухарском эмирате, вошедшую в историю как Колесовский поход. Гзовский описывает трагические события в Бухаре, зная немало подробностей. Характер текста позволяет нам предположить, что Гзовский был непосредственным очевидцем описанного, хотя его белорусский биограф В.В. Скалабан сообщает, что в феврале 1918 г. Гзовский уже был в Москве.

⁴⁷ Гзовский А. Указ. соч. С. 252.

⁴⁸ Адиб Халид. Указ. соч. С. 210–213.

⁴⁹ Кадырбаев А.Ш. Армянская диаспора и Дашнакцутюн в Туркестане. 1917–1921 годы // Восточный архив. 2013. № 2. С. 32–39.

⁵⁰ Алексеенков П. Крестьянское восстание в Фергане. Ташкент, 1927. С. 20.

⁵¹ Гзовский А. Указ. соч. С. 262.

Биография Гзовского полна загадок и неясностей. Одной из них является точная дата его смерти. Белорусские источники приводят 1938 г.⁵², польские, что он умер уже после Второй мировой войны, в 1963 г.⁵³

Существует очень интересная версия, как Гзовский попал в Туркестан и чем он там на самом деле занимался, изложенная в эмигрантской газете «Дни» автором, скрытым под псевдонимом «М. Б-ч.»⁵⁴.

Итак, после краха династии Романовых Гзовский был якобы связан с конспиративными монархическими кругами и даже возглавлял одну из таких организаций в Иркутске. В начале 1917 г. Гзовский служил там в штабе округа, занимал довольно высокий пост и дважды побывал в секретной командировке в Японии. С целью восстановления монархии в России было решено отправить в Японию секретную делегацию, чтобы просить ввести японские войска в пределы Сибири. Подпоручик Гзовский входил в состав этой делегации. Об этой поездке узнали в Петрограде. Участники были арестованы или вынуждены были скрываться.

Что касается Гзовского, то через некоторое время он появился в Ташкенте, где его назначили старшим адъютантом в стрелковой бригаде, одновременно став главным редактором газеты «Туркестанский курьер». Либерал в национальных вопросах, Гзовский оказался убежденным монархистом и поддерживал секретные сношения с генералом Л.Г. Корниловым. За поддержку корниловского мятежа Турккомитет Временного правительства закрыл газету «Туркестанский курьер» на три дня. Пообещав местным мусульманам всевозможные блага, Гзовский склонил на свою сторону одного местного миллионера (Мир-Камиля Мир-Мумынбаева?) и при его финансовой поддержке готовил в Туркестане контрреволюционный переворот.

Вместе с Гзовским действовали начальник стрелковой бригады генерал В.Д. Мухин и бывший наказной атаман Семиреченского казачьего войска генерал А.И. Кияшко.

В Ташкенте жил опальный великий князь Николай Константинович. После революции он хотя и «признал новый строй», но после корниловского выступления стал часто бывать в редакции «Туркестанского курьера» и приглашал Гзовского с семьей к себе во дворец и на дачу. Загадочный «М. Б-ч.» утверждает, что Гзовский и великий князь планировали освобождение царской семьи. Николай Константинович располагал достаточно большими средствами, а Гзовский разработал план и нашел преданных людей. Решено было произвести похищение царской семьи в Тобольске и отправить ее в киргизские степи, а оттуда в Туркестан или в Кашгар. Было выработано несколько маршрутов. Однако великий князь настаивал, чтобы семью перевезли или в Японию, или в Монголию.

В конце сентября и начале октября 1917 г. из Ташкента в Тобольск выехали две группы заговорщиков. В 20-х числах октября Гзовский получил секретное сообщение, что связь с семьей последнего русского императора установлена. Он собирался сам выехать в Тобольск, чтобы лично на месте руководить похищением, но 27 октября в Ташкенте начался большевистский переворот. Гзовский принял участие в боях с большевиками, и последующие события спугали все его планы. К тому же бои большевиков с дувовцами под Оренбургом преграждали путь к Самаре и Челябинску. Вскоре группы, отправленные в Тобольск, распались или погибли⁵⁵.

Как относиться к рассказу загадочного «М. Б-ч.»? С одной стороны, статья вышла с редакционной пометкой: «Помещая этот очерк как весьма интересный материал к истории недавнего нашего прошлого, мы ответственность сообщаемых фактов оставляем на авторе». С другой — персонажи и историческая обстановка переданы автором точно, что подтверждают другие мемуаристы-очевидцы и прежде всего сам Гзовский.

⁵² Скалабан В. Гзоўскі Аляксандр Юсіфавіч // Кантакты і Дыялогі. № 5. Мінск. 1988. С. 21–22.

⁵³ URL: http://sources.ruzhany.info/074_2.html (дата обращения: 01.03.2021).

⁵⁴ М. Б-ч. Попытка освобождения // Дни. Берлин, 1924. № 413. 16 марта. С. 2.

⁵⁵ М. Б-ч. Указ. соч.

Более того, наберемся смелости и выскажем предположение, что загадочный «М.Б.-ч.» и Александр Гзовский, так любивший псевдонимы, это один и тот же человек.

Жить в независимой Польше, стать Юношей-Гзовским и при этом оказаться русским монархистом, видимо, даже для такого авантюриста, как Гзовский, было сродни когнитивному диссонансу. Именно поэтому, возможно, столь важная сюжетная линия о попытке организации освобождения царской семьи и перевозе ее из Тобольска в Туркестан осталась за скобками как в одном, так и в другом варианте его воспоминаний. И рассказать об этом он мог только за пределами как Советской России, так и Польши, т.е. в Германии.

Уникальность воспоминаний Гзовского состоит в том, что он, представляя две диаметрально противоположные оценки событий («от наших» и «не наших»), в очередной раз подводит нас к пониманию, что историю русской революции нужно изучать комплексно, серьезно анализируя все аргументы противоборствовавших сторон, учитывая доводы классовой борьбы, этноконфессиональные противоречия и сложные межличностные отношения политических акторов.

Говоря непосредственно о Туркестане, зачастую очень сложно разобраться, где классовая борьба переросла в противостояние на этноконфессиональной почве, а откровенная личная неприязнь прикрывалась лозунгами классовой и национальной борьбы, и наоборот.

Биография Александра Гзовского — это не просто история одного авантюриста и беспринципного человека, в понимании которого цель всегда оправдывала средства, а реальный пример того, как хитросплетения свойств человеческой природы нередко заставляют нас, историков, сомневаться в ответе на простой вопрос — кто из исторических персонажей был идейным борцом за свободу и независимость своего народа, а кто приспособленцем, желавшим любыми способами добиться власти.

С другой стороны, политическое двуличие, продемонстрированное Гзовским, и последние три десятилетия, прошедшие после демонтажа СССР, это хорошо иллюстрируют, явление не такое уж уникальное, и поменять «героев» и «антигероев» местами, следуя политической конъюнктуре, не так сложно, как может показаться на первый взгляд.

Библиография

- Абдуллаев Р.* Хроника противостояния // Звезда Востока. 1995. № 11–12. С. 199–202.
- Агзамходжаев С.* История Туркестанской автономии (Туркистон мухторияти). Ташкент, 2006.
- Алексеев П.* Кокандская автономия. Ташкент, 1931.
- Буттино М.* Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007.
- «В Туркестане советская власть установила небывалый до сих пор национальный гнет» / публ. Л.А. Молчанова // Вестник РГГУ. Серия: «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 3 (24). С. 101–124.
- Великая российская революция 1917 года и мусульманское движение: сборник документов и материалов / сост., предисл. и прим. С.М. Исакова. М.; СПб., 2019.
- Вильям фон Клемм.* Очерк революционных событий в русской Средней Азии / публ. В.Л. Гениса // Вопросы истории. 2004. № 12. С. 3–25; 2005. № 1. С. 3–23.
- Гзовский А.* Социальная революция в Туркестане: полумесяц и красная звезда (туркестанские воспоминания) / науч. ред. Т.В. Котюкова. М., 2021.
- Гиппиус З.* Дневники. М., 2017.
- Гнесин Ф.* Туркестан в дни революции и большевизма (краткое описание хода событий в Ташкенте, март–декабрь 1917 года) // Сопротивление большевизму 1917–1918 гг. М., 2001. С. 537–548.
- Джумаев А.Б.* «Скажите, а Ленин еще вернется?» К истории Октябрьской революции в Средней Азии: наброски и размышления с неизбежными экскурсами в современность // Дружба народов. 2017. № 10. С. 213–224.
- Исаков С.М.* Мустафа Чокаев о революции 1917 года в Центральной Азии // Acta Slavica Iaponica. Т. XVIII. 2001. С. 204–223.

Кадырбаев А.Ш. Армянская диаспора и Дашнакцутюн в Туркестане. 1917–1921 годы // Восточный архив. 2013. № 2. С. 32–39.

Колесов Ф., Бобунов А. В борьбе с эмирской Бухарой // Война в песках. Материалы по истории гражданской войны к XII т. Гражданская война в Средней Азии / под ред. М. Горького и др. Л., 1935. С. 231–275.

Куманбаев Ж.Ж., Ташенев М.Ж. Туркестанская (Кокандская) автономия и идея единого Туркестана // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия: «Историческая». 2013. № 3 (70). С. 49–55.

Литвинов Б.Н. Воспоминания: в 2-х ч. Ч. 2. Гражданская война на Кавказе и в Закаспии. 1918–1920 гг. М., 2017.

Мякотин Е.А. Сила в нас самих. Чтение архива Соломона Герцфельда // Альманах «Еврейская старина». 2015. № 1 (84). URL: <http://berkovich-zametki.com/2015/Starina/Nomer1/Mjakotin1.php> (дата обращения: 01.03.2021).

Нуртазина Н.Д. Народы Туркестана: проблемы Ислама, интеграции, модернизации и деколонизации (на рубеже XIX–XX веков). Алматы, 2008.

Сафаров Г. Колониальная революция. (Опыт Туркестана). М., 1921.

Скалабан В. Гэоўскі Аляксандр Іосіфавіч // Кантакты і Дыялогі. № 5. Мінск, 1988. С. 21–22.

Тосан З.В. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Уфа, 1998.

Халид Адиб. Туркестан в 1917–1922 годах: борьба за власть на окраине России // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М., 2005. С. 210–213.

Чокаев М. Национальное движение в Средней Азии / публ. С.М. Исхакова // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. Памяти Ю.И. Кораблева. М., 2002. С. 656–693.

Чокаев М. Отрывки из воспоминаний о 1917 г. Токио; М., 2001.

Чокаев М. Революция в Туркестане. Февральская эпоха / публ. С.М. Исхакова // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 3–19.

Чокэй М. Я пишу Вам из Ножана... (Воспоминания, письма, документы). Алматы, 2001.

Gzowski-Junosza Aleksander // Zieliński S. Mały słownik pionierów polskich kolonialnych i morskich. Podróżnicy, odkrywcy, zdobywcy, badacze, eksploratorzy, emigranci, pamiętnikarze, działacze i pisarze migracyjni. Warszawa. 1933. S. 659–660.

Junosza-Gzowski A. W panstwie czerwonych ludozercow: powiesc z zycia bolszewickiej Rosji. Warszawa, 1921.

Junosza-Gzowski A. Półksiężyc i Gwiazda czerwona (wspomnienia turkestańskie). Warszawa, 1922.

Junosza-Gzowski A. Przez taiga i stepy. Poznan, 1925.

References

Abdullaev R. Hronika protivostoianiiia [Chronicle of confrontation] // Zvezda Vostoka [Star of the East]. 1995. № 11–12. S. 199–202. (In Russ.)

Azganhodzhaev S. Istoriia Turkestanskoi avtonomii (Turkiston muhtoriati) [The history of Turkestan autonomy (Turkiston mukhtoriyati)]. Tashkent, 2006. (In Russ.)

Alekseenkov P. Kokandskaia avtonomiia [Kokand autonomy]. Tashkent, 1931. (In Russ.)

Buttino M. Revoliutsiia naoborot. Sredniaia Aziaia mezhdru padeniem tsarskoi imperii i obrazovaniem SSSR [Revolution on the contrary. Central Asia between the fall of the Tsarist Empire and the formation of the USSR]. Moskva, 2007. (In Russ.)

“V Turkestane sovskaia vlast' ustanovila nebyvalyi do sikh por natsional'nyi gnet” / publ. L.A. Molchanova [“In Turkestan, the Soviet government has established unprecedented national oppression”] / publ. L.A. Molchanova // Vestnik RGGU. Serii: “Istoriia. Filologiiia. Kul'turologiiia. Vostokovedenie” [Bulletin of the Russian State University. Series: “History. Philology. Cultural studies. Oriental Studies”]. 2017. № 3 (24). S. 101–124. (In Russ.)

Velikaia rossiiskaia revoliutsiia 1917 goda i musul'manskoe dvizhenie: sbornik dokumentov i materialov / sost., predisl. i prim. S.M. Ishakova [The Great Russian Revolution of 1917 and the Muslim movement: a collection of documents and materials / comp., preface and note by S.M. Iskhakova]. Moskva; Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)

William von Klemm. Ocherk revoliutsionnykh sobytii v russkoi Srednei Azii / publ. V.L. Genisa [An essay on revolutionary events in Russian Central Asia / publ. V.L. Genis] // Voprosy istorii [Questions of History]. 2004. № 12. S. 3–25; 2005. № 1. S. 3–23. (In Russ.)

Gzovskii A. Sotsial'naia revoliutsiia v Turkestane: polumesiats i krasnaia zvezda (turkestanskii vospominaniia) / nauch. red. T.V. Kotiukova [The Social revolution in Turkestan: the crescent and the red star (Turkestan memories) / ed. T.V. Kotyukova]. Moskva, 2021. (In Russ.)

Gippius Z. Dnevniky [Diaries]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Gnesin F. Turkestan v dni revoliutsii i bol'shevizma (kratkoe opisanie hoda sobytii v Tashkente, mart–dekabr' 1917 goda) [Turkestan in the days of revolution and Bolshevism (a brief description of the course of events in Tashkent, March–December 1917)] // Soprotivlenie bol'shevizmu 1917–1918 gg. [Resistance to Bolshevism 1917–1918]. Moskva, 2001. S. 537–548. (In Russ.)

Dzhumaev A.B. “Skazhite, a Lenin eshhe vernetsia?” K istorii Oktiabr'skoi revoliutsii v Srednei Azii: nabroski i razmyshleniia s neizbezhnymi ekskursami v sovremennost' [“Tell me, will Lenin be back yet?” On the History of the October Revolution in Central Asia: sketches and reflections with inevitable excursions into modernity] // Druzhiba narodov [Friendship of Peoples]. 2017. № 10. S. 213–224. (In Russ.)

Ishakov S.M. Mustafa Chokaev o revoliutsii 1917 goda v Tsentral'noi Azii [Mustafa Chokaev on the 1917 revolution in Tsentral Asia] // Acta Slavica Iaponica [Acta Slavica Iaponica]. T. XVIII. 2001. S. 204–223. (In Russ.)

Kadyrbaev A.Sh. Armianskaia diaspora i Dashnaksutiun v Turkestane. 1917–1921 gody [Armenian Diaspora and Dashnaksutyun in Turkestan. 1917–1921 years] // Vostochnyi arkhiv [Eastern Archive]. 2013. № 2. S. 32–39. (In Russ.)

Kolesov F., Bobunov A. V bor'be s emirskoi Bukharoi [In the fight against Emir Bukhara] // Voina v peskakh. Materialy po istorii grazhdanskoi voiny k XII t. Grazhdanskaia voina v Srednei Azii / pod red. M. Gor'kogo i dr. [War in the sands. Materials on the history of the Civil War to the XII vol. The Civil War in Central Asia / ed. M. Gorky et al.]. Leningrad, 1935. S. 231–275. (In Russ.)

Kumganbaev Zh.Zh., Tashenev M.Zh. Turkestanskaia (Kokandskaia) avtonomiia i ideia edinogo Turkestana [Turkestan (Kokand) autonomy and the idea of a unified Turkestan] // Vestnik KazNU im. Al-Farabi. Seriya: “Istoricheskaiia” [Bulletin of KazNU named after Al-Farabi. Series: “Historical”]. 2013. № 3 (70). S. 49–55. (In Russ.)

Litvinov B.N. Vospominaniia: v 2 ch. Ch. 2. Grazhdanskaia voina na Kavkaze i v Zakasp'ii. 1918–1920 gg. [Memoirs: in 2 vol. Vol. 2. The Civil War in the Caucasus and Transcaspia. 1918–1920]. Moskva, 2017.

Mjakotin E.A. Sila v nas samih. Chtenie arhiva Solomona Gercfel'da [The power is in ourselves. Reading the archive of Solomon Hertzfeld] // Al'manah “Evrejskaja starina” [The Almanac “Jewish Antiquity”]. 2015. № 1 (84). URL: <http://berkovich-zametki.com/2015/Starina/Nomer1/Mjakotin1.php> (access date: 01.03.2021). (In Russ.)

Nurtazina N.D. Narody Turkestana: problemy Islama, integratsii, modernizatsii i dekolonizatsii (na rubezhe XIX–XX vekov) [Peoples of Turkestan: problems of Islam, integration, modernization and decolonization (at the turn of the 19th–20th centuries)]. Almaty, 2008. (In Russ.)

Ryskulov T. Revoliutsiia i korennoe naselenie Turkestana [Revolution and the indigenous population of Turkestan]. Tashkent, 1925. (In Russ.)

Safarov G. Kolonial'naia revoliutsiia. (Opyt Turkestana) [The Colonial Revolution. (The Experience of Turkestan)]. Moskva, 1921. (In Russ.)

Skalaban V. Gzojski Aliaksandr Iosifavich [Gzoiski Alyaksander Iosifavich] // Kantakty i Dialogi. № 5. Minsk, 1988. S. 21–22. (In Belarus.)

Togan Z.V. Vospominaniia. Bor'ba narodov Turkestana i drugih vostochnyh musul'man-tjurkov za natsional'noe bytie i sohranenie kul'tury [Memoirs. The struggle of the peoples of Turkestan and other Eastern Muslim Turks for national existence and preservation of culture]. Ufa, 1998. (In Russ.)

Adib Halid. Turkestan v 1917–1922 godah: bor'ba za vlast' na okraine Rossii [Turkestan in 1917–1922: the struggle for power on the outskirts of Russia] // Tragediia velikoi derzhavy: natsional'nyi vopros i raspad Sovetskogo Soiuza [The Tragedy of the Great Power: the national question and the collapse of the Soviet Union]. Moskva, 2005. S. 210–213. (In Russ.)

Chokaev M. Natsional'noe dvizhenie v Srednei Azii / publ. S.M. Ishakova [National movement in Central Asia / publ. S.M. Iskhakova] // Grazhdanskaia voina v Rossii: sobytiia, mneniia, otsenki. Pamiati Iu.I. Korableva [Civil War in Russia: events, opinions, estimates. In memory of Yu.I. Korablev]. Moskva, 2002. S. 656–693. (In Russ.)

Chokaev M. Otryvki iz vospominanii o 1917 g. [Excerpts from memories of 1917]. Tokio; Moskva, 2001. (In Russ.)

Chokaev M. Revoliutsiia v Turkestane. Fevral'skaia epokha / publ. S.M. Ishakova [Revolution in Turkestan. February epoch / publ. S.M. Iskhakova] // Voprosy istorii [Questions of history]. 2001. № 2. S. 3–19. (In Russ.)

Chokai M. Ia pishu Vam iz Nozhana... (Vospominaniia pis'ma, dokumenty) [I am writing to you from Nogan... (Memoirs, letters, documents)]. Almaty, 2001. (In Russ.)

Gzowski-Junosza Aleksander // *Zieliński S.* Mały słownik pionierów polskich kolonialnych i morskich. Podróżnicy, odkrywcy, zdobywcy, badacze, eksploratorzy, emigranci, pamiętnikarze, działacze i pisarze migracyjni. Warszawa. 1933. S. 659–660.

Junosza-Gzowski A. W panstwie czerwonych ludozercow: powiesc z zycia bolszewickiej Rosji. Warszawa, 1921.

Junosza-Gzowski A. Półksiężyc i Gwiazda czerwona (wspomnienia turkestańskie). Warszawa, 1922.

Junosza-Gzowski A. Przez taiga i stepy. Poznan, 1925.